

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

МАКСИМОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ДЕРЕВЯННАЯ ЖИЛАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАСТРОЙКА
МОНАСТЫРЕЙ МОСКВЫ КОНЦА XIV – НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ
ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ (ПЛАНИРОВКА,
КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ВЕЩЕВЫЕ КОМПЛЕКСЫ)**

Исторические науки:

5.6.3. Археология

АВТОРЕФЕРАТ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

МОСКВА 2026

Работа выполнена в отделе археологии Московской Руси Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук (ИА РАН).

Научный руководитель:

Беляев Леонид Андреевич, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Московской Руси Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук

Официальные оппоненты:

Чёрная Мария Петровна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой археологии и исторического краеведения Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»;

Шамина Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра источниковедения истории России Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института российской истории Российской академии наук.

Ведущая организация:

Обособленное структурное подразделение государственного научного бюджетного учреждения „Академия наук Республики Татарстан“ „Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан“

Защита состоится **«2» октября 2026 г. в 12.00** на заседании совета 24.1.031.01 (Д002.007.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук по адресу: Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4 этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИА РАН по адресу:

Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, а также на сайте ИА РАН, в разделе Диссертационный совет: <https://www.archaeolog.ru/dissertation-council>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

И.А. Дружинина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Монастыри в Средние века играли важную роль в религиозной, культурной, хозяйственной и общественной жизни. Они являлись не только центрами богослужения и духовной практики, но и важнейшими очагами письменности, литературы, декоративно-прикладного искусства и ремесел. Несмотря на это, в отечественной науке монастырь длительное время не рассматривался как особый археологический объект, требующий специального методического подхода. Центральное место в исследованиях занимали монастырские соборы, стены и некрополи, тогда как ранняя деревянная жилая и хозяйственная застройка оставалась вне основного внимания исследователей.

Слабая изученность данной темы связана с рядом причин. Для выявления ранней монастырской планировки необходимы раскопки широкими площадями, в то время как работы в монастырях нередко проводились в виде траншей, наблюдений и небольших шурфов. Ранняя деревянная застройка часто уничтожалась позднейшими каменными постройками, хозяйственной деятельностью XVIII–XX вв. и инженерными коммуникациями. Кроме того, центральные участки монастырей в значительной степени перекрывались некрополем, площадь которого постепенно расширялась от собора к периферии. Сохранность дерева в сухих слоях Москвы неудовлетворительна, поэтому постройки фиксируются, как правило, на уровне их подземных частей – подклетов, погребов и других заглубленных конструкций.

При этом именно деревянная жилая и хозяйственная застройка составляла основу повседневной монастырской среды. Ее изучение позволяет существенно дополнить сведения письменных и изобразительных источников и по-новому поставить вопрос о внутренней организации монастырского пространства, особенностях быта насельников,

хозяйственной деятельности и социальном устройстве монастырской общины.

Актуальность исследования определяется необходимостью всестороннего анализа монастыря как особого памятника археологии и отсутствием обобщающей работы, специально посвященной деревянной жилой и хозяйственной застройке московских монастырей конца XIV–начала XVIII вв.

Степень разработанности темы исследования. Изучение монастырей Москвы имеет длительную историографическую традицию. В XIX–начале XX вв. были созданы многочисленные труды по истории отдельных московских обителей, однако они носили преимущественно описательный характер и уделяли основное внимание истории основания монастырей, их святыням, настоятелям, архитектурному ансамблю и некрополю. Деревянная жилая застройка в этих работах практически не рассматривалась.

На следующем этапе, связанном с развитием архитектурно-археологической школы 1930–1970-х гг., основной акцент был сделан на натурном обследовании каменных монастырских памятников, выявлении фундаментов, исследовании руин храмов и отдельных участков некрополя. Археологические работы в этот период, как правило, не были ориентированы на выявление бытовой и жилой зоны.

С конца 1970-х гг. в Москве начались систематические археологические исследования монастырей, в первую очередь под руководством Л. А. Беляева. Именно эти работы заложили основу современного изучения монастыря как самостоятельного археологического объекта. В начале XXI в. были реализованы крупные проекты по исследованию монастырей Москвы и Подмосковья, в том числе Зачатьевского, Новодевичьего, Ново-Иерусалимского монастырей и Троице-Сергиевой Лавры. Работы широкими площадями позволили выявить ранние деревянные сооружения и поставить вопрос о реконструкции монастырской застройки.

Собственно келейной застройке специально посвящена монография В. А. Бурова «История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков» (2011). Однако специальных обобщающих исследований по деревянной жилой и хозяйственной застройке монастырей Москвы до настоящего времени не существовало. Таким образом, тема разработана фрагментарно и требует дальнейшего комплексного исследования.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является всесторонняя характеристика деревянной жилой и хозяйственной застройки монастырей Москвы конца XIV–начала XVIII вв. на основе анализа археологических материалов и исторических источников.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. собрать и систематизировать археологические материалы, характеризующие монастырские жилые и хозяйственные постройки конца XIV–начала XVIII вв.;
2. проследить особенности ранней планировки монастырей Москвы и ее изменение во времени;
3. выявить характерные особенности монастырских построек;
4. провести атрибуцию предметов из заполнения монастырских построек;
5. выполнить историко-культурный анализ с привлечением письменных и изобразительных источников;
6. провести сравнительный анализ построек московских монастырей с историческими и археологическими данными по другим монастырям Московской Руси.

Объектом исследования является деревянная жилая и хозяйственная застройка монастырей Москвы конца XIV–начала XVIII вв.

Предмет исследования составляют археологически выявленные остатки деревянных построек, их конструктивные особенности, планиграфия и вещевые комплексы.

В работе рассмотрена 91 постройка из шести монастырей Москвы: Высоко-Петровского, Зачатьевского, Новодевичьего, Богородице-Рождественского, Симонова и Сретенского.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIV в. по начало XVIII в. Верхняя граница определяется изменениями, связанными с преобразованиями эпохи Петра I. Это время формирования Московского государства, усиления роли монастырей и окончательного складывания традиций русского деревянного зодчества.

Территориальные рамки исследования охватывают монастыри Москвы в пределах города XVIII века, то есть в границах Камер-Коллежского вала.

Источниковая база. Основу источниковой базы составили материалы археологических исследований, проведенных сектором (с 2014 г. – отделом) археологии Московской Руси Института археологии РАН на территории шести монастырей Москвы в 1981–2024 гг. Общая площадь исследований составила около 16 тыс. кв. м. Использована отчетная документация о полевых исследованиях, хранящаяся в Архиве Института археологии РАН. На ее основе был составлен каталог, включающий сведения о 91 постройке.

Наряду с археологическими материалами привлекались письменные, изобразительные и картографические источники: монастырские описи XVII–XIX вв., делопроизводственные документы, общие планы Москвы XVII–XVIII вв., монастырские планы XVIII–начала XX вв., иконы, миниатюры и лубочные изображения.

Методика исследования. Методологической основой исследования являются комплексный подход, историзм и системность. Использовались историко-сравнительный метод, методы обобщения и систематизации, стратиграфический и типологический анализ, а также методы археологической фиксации и планиграфического анализа.

Датировка сооружений основывалась на стратиграфии и типологии археологического материала; для ее уточнения привлекались монеты,

кирпичи и изразцы. Возможности дендрохронологического анализа были ограничены неудовлетворительной сохранностью дерева.

Научная новизна исследования. На основании комплексного анализа остатков деревянных построек конца XIV–начала XVIII вв. из археологических раскопок в сочетании с письменными и изобразительными источниками впервые выполнено обобщающее исследование по деревянным жилым и хозяйственным постройкам монастырей Москвы.

Впервые:

1. в едином исследовательском поле рассмотрена 91 постройка из шести московских монастырей;
2. проведено сопоставление археологических данных по московским монастырям с письменными, изобразительными и археологическими материалами по другим монастырям Московской Руси;
3. введены в научный оборот новые объекты и вещевые комплексы, характеризующие монастырскую повседневность.

Научная значимость исследования. Исследование существенно расширяет представления о ранней застройке и планировке монастырей Москвы конца XIV–начала XVIII вв. Работа показывает значение археологизированных остатков построек как источника по истории монастырской повседневности, хозяйственного уклада и внутренней организации обители.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов диссертации: при подготовке обобщающих трудов по археологии и истории монастырей; в учебных курсах по средневековой археологии и истории Московской Руси; при интерпретации и датировке объектов, выявляемых в ходе полевых исследований.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Археологические остатки подземных частей деревянных построек являются основным и во многих случаях единственным источником для реконструкции ранней планировки монастырей Москвы конца XIV–XVI

вв. В условиях слабой сохранности наземных конструкций, разрушения ранних слоев позднейшей застройкой и некрополем именно анализ погребов, подклетов, следов срубов и столбовых конструкций позволяет восстанавливать планиграфию монастырского пространства.

2. Для монастырей Москвы конца XIV–начала XVIII вв. характерна устойчивая концентрическая организация внутреннего пространства. Ранняя жилая застройка располагалась в центральной монастырской зоне на расстоянии 7–15 м от главного собора; по мере разрастания некрополя она постепенно смещалась к периферии, ближе к ограде, при сохранении основных принципов планировки.

3. Планировочная структура деревянной застройки зависела от типа монастырского устава. В общежительных монастырях жилые и хозяйственные постройки, как правило, разносились по разным участкам монастырской территории; в обособительных монастырях они могли располагаться рядом, формируя усадебные комплексы. Существенных различий в планировке между мужскими и женскими монастырями не выявлено.

4. В монастырях Москвы зафиксированы различные типы планировочной организации деревянной застройки. Для Зачатьевского монастыря характерна планировка в виде незамкнутого каре, прослеживаемая с XVI в.; для Новодевичьего монастыря – усадебно-уличная планировка, сформировавшаяся во второй половине XVI в. и связанная, вероятно, с высоким статусом насельниц обители. Эти данные уточняют представления о многообразии форм организации монастырского пространства в Московской Руси.

5. Деревянные жилые и хозяйственные постройки монастырей Москвы конца XIV–начала XVIII вв. не демонстрируют принципиальных различий в основных строительных приемах на протяжении рассматриваемого периода. В их устройстве использовались две основные конструктивные схемы – срубная и каркасно-столбовая. Срубные

конструкции чаще применялись в более капитальных и статусных постройках, тогда как каркасно-столбовые – в хозяйственных сооружениях и подземных частях ряда жилых построек.

6. Выявленные археологические материалы позволяют выделить основные типы монастырских деревянных построек. К ним относятся отдельностоящие сооружения (землянки, полуземлянки, жилые кельи-избы с одним или несколькими помещениями, хозяйственные клетки) и кельи-связи (единые келейные корпуса и усадебные комплексы). Со второй половины XVII в. в монастырях Москвы распространяются крупные деревянные келейные корпуса, объединявшие жилые, хозяйственные и производственные помещения.

7. Археологически изученные постройки конца XIV–начала XVIII вв. подразделяются на жилые, хозяйственные и многофункциональные сооружения, сочетавшие жилые, административные и производственные функции. Их повторное возведение на одних и тех же участках позволяет определить средний срок службы деревянной постройки в пределах 20–40 лет.

8. Хозяйственные дворы и элементы монастырского благоустройства образовывали важную часть повседневной инфраструктуры обитатели. Хозяйственные участки, располагавшиеся первоначально за пределами ограды, позднее могли включаться в состав монастырской территории. Археологические данные фиксируют наличие водозаборных и дренажных колодцев, систем водоотведения, а также разнообразных видов хозяйственной и ремесленной деятельности.

9. Вещевые комплексы из заполнения построек являются важнейшим источником для изучения монастырской повседневности. Они отражают состав личного и хозяйственного имущества, особенности питания, бытовые практики, уровень комфорта и степень социальной дифференциации насельников. Разнообразие керамики, стеклянной посуды, предметов личного обихода и хозяйственного инвентаря показывает, что

реальная повседневная жизнь в монастырях была сложнее и богаче, чем это следует из нормативных письменных источников.

10. Деревянная жилая и хозяйственная застройка монастырей Москвы конца XIV–начала XVIII вв. является значимым историко-культурным индикатором монастырской жизни Московской Руси. Она отражает сочетание традиций русского городского деревянного строительства, норм монастырского устава, социального статуса насельников и особенностей хозяйственной организации обителей, а потому выступает ключевым источником для реконструкции повседневной культуры монастыря Средних веков и Раннего Нового времени.

Личное участие автора в подготовке диссертации. Автором были обработаны материалы отчетов по археологическим работам в Новодевичьем, Зачатьевском, Высоко-Петровском, Сретенском, Богородице-Рождественском и Симоновом монастырях, хранящиеся в Архиве Института археологии РАН. Осуществлены сбор и систематизация архивных и опубликованных материалов о постройках монастырей Москвы конца XIV–начала XVIII вв. Выполнена частичная графическая обработка отчетных чертежей для приведения их к единому формату.

Автор принимал участие в раскопках отдела археологии Московской Руси Института археологии РАН с 2012 г. по настоящее время, в том числе на территории Ново-Иерусалимского монастыря в 2012–2017 гг. и Новодевичьего монастыря в 2017–2024 гг.; участвовал в подготовке научных отчетов по раскопкам в Новодевичьем монастыре. Подготовлен каталог построек с графическим сопровождением.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы изложены в 10 печатных работах, 3 из них опубликованы в рецензируемых изданиях из списка ВАК. Результаты исследования докладывались автором на различных научных конференциях и семинарах:

«Вещь: Время и место» (РГГУ, Институт археологии РАН, 2023 г.);
«Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Институт российской

истории РАН, Институт археологии РАН, 2023 г., 2025 г.); «Подлинник» (РГГУ, Институт археологии РАН, 2024 г.); «Древности монастырей Москвы. К 500-летию Новодевичьего монастыря» (Институт археологии РАН, 2024 г.); «Повседневная жизнь в Московском государстве» (Институт российской истории РАН, Институт археологии РАН, 2024 г.); «Археология Подмосковья и сопредельных территорий» (Институт археологии РАН, 2025 г.); VII (XXIII) Всероссийский археологический съезд (Красноярск, 2025 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы, а также пяти приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования и степень ее изученности. Указаны объект и предмет исследования, источниковая база, определены цель и задачи, хронологические и территориальные рамки, методология и методы исследования, раскрыта научная новизна и практическая значимость исследования, отмечен личный вклад автора и сформулированы положения, выносимые на защиту.

Глава 1. История изучения монастырей Москвы

В первой главе рассматривается история изучения монастырей Москвы в дореволюционной, советской и современной науке.

1.1. Монографические исследования монастырей Москвы в XIX–начале XX вв.

В первом разделе показано, что в XIX–начале XX вв. преобладал описательный подход, ориентированный на историю монастырей, их святыни, архитектурный ансамбль и некрополь. В этот период создаются отдельные работы по истории крупных московских обителей: Новоспасский, Новодевичий, Знаменский, Донской, Зачатьевский, Симонов, Страстной, Богоявленский, Высоко-Петровский, Рождественский и Сретенский.

1.2. Археологические исследования монастырей Москвы: архитектурно-археологическая школа 1930-1970-х гг.

Второй раздел посвящен архитектурно-археологической школе 1930-1970-х гг. В обозначенный период основное внимание уделялось архитектурно-археологическому исследованию каменных памятников. Начавшиеся работы на территории рассматриваемых в исследовании монастырей не затронули участки ранней деревянной застройки. С конца 1970-х гг. в Москве развиваются систематические археологические исследования монастырей под руководством Л. А. Беляева. Первым этапом стали работы в Высоко-Петровском, Даниловом и Богоявленском за Торгом монастырях, которые продолжались до конца 1980-х гг.

1.3. Археологические исследования монастырей Москвы на современном этапе

Третий раздел посвящен исследованиям на современном этапе. В начале XXI в. исследования широкими площадями позволили выявить ранние деревянные постройки. Несмотря на начавшиеся археологические изыскания в монастырях Москвы и рост количества публикаций по деревянным постройкам, сведения о монастырской застройке раннего периода остаются малочисленными и разрозненными. В опубликованных работах не дается общего взгляда на развитие деревянной застройки.

1.4. Археологическое изучение монастырей Московской Руси (середина 1950-х–настоящее время)

В четвертом разделе проводится обзор археологических исследований, проведенных в различных монастырях Московской Руси. Затрагиваются как крупные обители (Троице-Сергиева Лавра, Соловецкий, Кирилло-Белозерский монастыри), так и малые (Успенский Дубенский Шавыкин монастырь, монастыри Карелии и Русской Лапландии и др.). Исследования проводились как в действующих монастырях, так и на территории уже не существующих обителей. Анализ данных позволяет говорить, что остатки

деревянных жилых и хозяйственных сооружений конца XIV–начала XVIII вв. археологически обнаружены в 24 монастырях России.

Глава 2. Ранняя застройка и планировка монастырей Москвы по археологическим и изобразительным источникам

Во второй главе анализируются археологические данные и изобразительные источники, связанные с планировкой монастырей Москвы.

2.1. Планировка монастырей г. Москвы по археологическим данным

В первом разделе рассмотрены археологические работы, проведенные на территории Зачатьевского (2003–2011 гг.), Новодевичьего (2017–2024 гг.), Симонова (2023–2024 гг.), Богородице-Рождественского (2016 г.), Высоко-Петровского (1981 г., 2016 г.) и Сретенского (2014 г.) монастырей.

Установлено, что ранняя жилая застройка располагалась в центральной монастырской зоне, обычно на расстоянии 7–15 м от главного собора. По мере роста некрополя постройки смещались к периферии. Для Зачатьевского монастыря зафиксирована планировка в виде незамкнутого каре, для Новодевичьего – усадебно-уличная система. Показано, что различия в планировке связаны в том числе с особенностями монастырского устава и социальным составом насельников.

2.2. Сведения изобразительных источников о планировке монастырей г. Москвы

Во втором разделе анализируется планировка шести рассматриваемых в исследовании монастырей, отразившаяся в изобразительных источниках. Для анализа ранней монастырской планировки были использованы городские планы XVII–XVIII вв.: «Кремленаград», план Москвы и Кремля 1613 г., Сигизмундов план, Годунов чертеж, Несвижский план, план из книги Исаака Массы, план Маттеуса Мериана, план из книги Адама Олеария, план из книги Августина Мейерберга, план Ивана Мичурина и план Горихвостова. Среди рассмотренных шести монастырей, три относятся к внутригородским, которые располагались в пределах стен Белого города – это Сретенский,

Богородице-Рождественский и Высоко-Петровский. Их планировка на ранних чертежах Москвы очень похожа – одна-две церкви в центре периметрически обстроенного двора. Остальные монастыри (Новодевичий, Зачатьевский и Симонов) находились за пределами Белого города, их планировка – многоугольная, что связано с природным ландшафтом. Отметим, что особенности монастырского устава, т. е. принадлежность к идиоритмам или киновиям, никак не влияла на изображения монастырей на планах XVII в. Это свидетельствует о том, что четкого различия в общей планировке указанных типов не было.

2.3. Сведения графических источников о планировке других московских монастырей

В разделе рассматривается планировка других московских монастырей (Богоявленский, Георгиевский, Ивановский, Покровский, Златоустовский, Вознесенский и Чудов, Знаменский, Донской, Страстной, Моисеевский, Заиконоспасский, Никольский греческий, Воскресенский Высокий, Новоспасский, Спасо-Андроников и Воздвиженский), отразившаяся в изобразительных источниках. На основе графических источников выделяется ряд общих черт в планировке московских монастырей.

1. Все внутригородские монастыри на планах Москвы XVII в. изображались квадратными или прямоугольными, с собором по центру и с деревянными постройками по периметру. Насколько достоверно их расположение – неизвестно, вероятно, их могли наносить машинально для заполнения пространства. Более подробные чертежи монастырей относятся к XVIII–XIX вв.

2. На всех более поздних картах Москвы общий план каждого монастыря сохраняется, изображения становятся более точными, резкой смены в планировке не наблюдается: постройки располагаются на тех же местах, иногда меняется их назначение.

3. На ранних планах, несмотря на схожесть, все монастыри изображались по-разному – создателям карт было важно передать какие-то

уникальные черты каждой обители: отличаются изображения главных соборов, их расположение по центру двора или с краю.

4. Ни для одного из рассмотренных монастырей нет графических источников, зафиксировавших раннюю планировку, относящуюся к начальному периоду существования.

5. Южная и восточная части монастырской территории, как правило, занимали жилые постройки, отличавшиеся упорядоченной планировкой и тяготевшие к правильной четырехугольной конфигурации. Западная половина монастыря обычно отводилась под хозяйственно-служебные сооружения, включая трапезную, поварню, хлебный двор, житницу и прачечные. Хозяйственная зона и кладбище могли отделяться дополнительной стеной.

2.4. Планировка монастырей по данным письменных, изобразительных и археологических источников

Четвертый раздел посвящен анализу письменных, изобразительных и археологических источников. Сопоставление всех трех видов источников позволило проследить традиционность и четко выверенную систему в расположении монастырских построек, что, делает возможным реконструкцию ранней застройки. Отметим, что значительной разницы в планировочной структуре крупных и малых обителей не было выявлено. Главное отличие заключалось в количестве жилых построек и разнообразии хозяйственных сооружений. Для сравнительного анализа привлечены сведения из других монастырей Московской Руси. На основе анализа источников делается ряд выводов:

1. Нет достоверных письменных и изобразительных сведений о планировке и застройке ни одного из монастырей ранее XVI в. Самые ранние сведения изобразительных источников о планировке московских монастырей относятся к XVII в.

2. В ходе археологических работ, проведенных на территории московских монастырей, остатки деревянных построек конца XIV–XV вв.

были прослежены только в Зачатьевском монастыре. В остальных рассмотренных обителях самые ранние зафиксированные постройки относятся к концу XV–XVI вв., что позволяет делать выводы о планировке монастырей на первом этапе их существования.

3. Жилые и хозяйственные постройки в общежительных монастырях старались разносить по разным, противоположным частям монастыря. Такая планировка изучена в Тихвинском Успенском и Кирилло-Белозерском монастырях. В особножительных монастырях такой тенденции не зафиксировано. Здесь, напротив, жилые и хозяйственные постройки соседствовали друг с другом, создавая единые комплексы. Одним из ярких примеров тому является Новодевичий монастырь.

4. В жилых постройках особножительных монастырей устраивался погреб, в котором хранились припасы и различная утварь. Такие постройки практически ничем не отличаются от обычных городских домов. Подземные части построек в Новодевичьем, Зачатьевском и Богородице-Рождественском монастырях использовались для хранения припасов, о чем свидетельствуют крупные керамические сосуды и деревянные бочки. Во всех монастырях погреба и ледники встречаются также как отдельно стоящие хозяйственные постройки-клетки – они нашли отражение в изобразительных источниках XVII–XIX вв., также фиксируются археологически.

5. Планировка в виде замкнутого каре в московских монастырях археологически не зафиксирована. В Зачатьевском монастыре можно говорить о незамкнутом каре построек, существовавшем с XVI в., которое окончательно оформилось к XVII в.

6. Расположение келий в московских монастырях относительно главного храма менялось: изначально они окружали его, проходя на расстоянии 7–15 м, занимая, как правило, северную, восточную и южную стороны соборной площади. С XVII в. располагаются по периметру стен. Подобная картина археологически зафиксирована в Новодевичьем,

Зачатьевском, Богородице-Рождественском и Высоко-Петровском монастырях.

7. Расстояние между ранним некрополем и жилой застройкой было минимальным – порядка 7 м (московский Новодевичий и Покровский в Хотькове монастыри). Постепенно некрополь накрывал раннюю жилую зону, в связи с чем жилые кельи сдвигались все дальше от собора, что археологически зафиксировано во всех монастырях (кроме Симонова, поскольку работы в его центральной части не проводились).

8. Изначальная планировка монастырей мыслилась правильной четырехугольной формы – такими монастыри изображены на иконах, миниатюрах, ранних планах. Однако на практике форма обителей подчинялась рельефу и городской застройке, приобретая иную, более сложную форму многоугольника. Известно, что Соловецкий монастырь и Троице-Сергиева Лавра на иконах XVII в. изображались четырехугольными, однако их форма в действительности была многоугольной. Все внутригородские монастыри Москвы на планах XVII в. изображены квадратными или прямоугольными, в то время как монастыри за стенами Белого города (Новодевичий и Симонов) изображены в виде многоугольника.

9. Изначально хозяйственные дворы располагались за пределами ограды, что отразилось в письменных и изобразительных источниках. С XVIII в. коровники и конюшни могли ставиться на территории монастыря, вплотную к стенам. Подобное прослежено на планах Новодевичьего и Симонова монастыря, археологически, ни в одном из московских монастырей не были прослежены слои навоза, что могло бы свидетельствовать о содержании животных на территории обители.

10. Хозяйственные дворы могли включаться в общий периметр ограды, но отделяться от сакральной зоны дополнительной стеной – деревянной или каменной (Сретенский, Высоко-Петровский, Новоспасский монастыри).

Разницы в планировочной структуре между мужскими и женскими монастырями не прослежено. В ходе археологических работ на территории московских монастырей как в мужских (Высоко-Петровский), так и в женских (Зачатьевский, Новодевичий, Богородице-Рождественский) были прослежены глубокие ямы-погребя от построек, которые располагались либо вблизи собора, либо вблизи стен. Письменные и изобразительные источники не позволяют говорить о наличии существенных различий в планировке малых и крупных монастырей. Застройка московских монастырей в принципиальном отношении не отличается от застройки других городских обителей. В то же время прослеживаются отличия по сравнению с сельскими монастырями, которые проявляются, прежде всего, в их размерах, более длительном сохранении деревянной застройки и меньшем количестве перестроек. Различия между мужскими и женскими монастырями выявляются главным образом по археологическим находкам: мужские кельи, как правило, отличаются большей скромностью.

Глава 3. Деревянные кельи конца XIV–начала XVIII вв.: конструктивные особенности

В третьей главе рассматриваются конструктивные особенности деревянных жилых и хозяйственных построек.

3.1. Жилые и хозяйственные монастырские постройки по археологическим данным

В разделе анализируются полученные в ходе археологических исследований материалы. Рассмотрены основные строительные материалы, применявшиеся при возведении монастырских келий. Показано, что основными строительными схемами являлись срубная и каркасно-столбовая конструкции. Исследованы погреба, подклеты, полы, печи, входы, двери, оконные конструкции. Установлено, что богатые жилые постройки отличались сложностью устройства, наличием изразцовых печей и более разнообразным вещевым комплексом.

3.2. Деревянные кельи по письменным и изобразительным источникам

Археологические материалы не дают достаточного представления о том, как выглядели наземные части построек. В этой связи необходимо обращение к изобразительным и письменным источникам: изображениям на иконах, планах, текстам монастырских описей. Так, в источниках XVII–XVIII вв. келья представляет собой небольшую избу, рубленную «в обло», с тремя окнами на фасаде, с двускатной крышей, иногда с трубой-дымоходом, в некоторых случаях – без. К некоторым кельям пристроены сени, ведут лестницы. Часть келий имеет хозяйственный подклет.

На основе письменных, изобразительных и археологических источников выделены основные типы построек: отдельностоящие жилые и хозяйственные сооружения, а также кельи-связи. Средний срок службы деревянных построек в московских монастырях составлял 20 – 40 лет.

Глава 4. Хозяйственные дворы и инженерные сооружения

В четвертой главе рассмотрены хозяйственные территории, прилегавшие к монастырям и позднее включенные в их состав, а также элементы благоустройства – колодцы, системы водоотведения и дренажа.

4.1. Хозяйственные дворы: расположение и описание построек

Раздел посвящен постройкам хозяйственных дворов, выявленных за пределами Новодевичьего, Высоко-Петровского и Сретенского монастырей. По своей конструкции постройки не отличаются от монастырских, различия фиксируются в составе находок и более бедном внутреннем убранстве. Строгого порядка в расположении хозяйственных дворов источники не приводят, вероятно, их расстановка зависела от местности и близости к источникам воды. В конце XIV–XVII вв. конюшенные и скотные дворы, различные хозяйственные службы располагались за пределами монастырской ограды, с XVIII в. они частично переносятся на территорию самих монастырей.

4.2. Инженерные сооружения

В разделе приводится описание колодцев, выявленных на территории Новодевичьего и Высоко-Петровского монастырей. Выделяются два типа: дренажные и водозаборные. Археологические данные позволяют более подробно изучить устройство колодцев, поскольку исторические источники для данного периода ограничиваются общими фразами о наличии колодца в монастыре. На изобразительных источниках встречаются рисунки колодца с оцепом, на котором висит бадья над шестигранным срубом («журавль»), или колодца в виде обычного сруба. Водозаборные колодцы, археологически выявленные в монастырях, имели сложную конструкцию, включающую в себя три сруба: собственно колодец; сруб, крепивший стенки; и верхний пирамидальный сруб.

Глава 5. Предметный мир монастырских построек

В пятой главе анализируются вещевые комплексы из заполнения построек. Сделан вывод о том, что вещевые комплексы позволяют реконструировать особенности бытовой среды, уровня комфорта, хозяйственных практик и социального статуса обитателей построек.

5.1. Керамическая посуда

В разделе рассматривается наиболее массовая категория находок – керамика, отражающая разнообразие столовой, кухонной и тарной посуды. Выявлены как московские формы, так и изделия регионального и импортного происхождения. Особенностью керамических комплексов построек Зачатьевского монастыря можно назвать необычно высокий процент клейм на донцах сосудов. В постройках Новодевичьего монастыря собрано большое количество фрагментов керамики с граффити. Особенно возрастает количество таких фрагментов в постройках второй половины XVII – начала XVIII вв. Чаще всего встречаются начертания различных букв (К,И,Н,А,С,П,Г,Д,В,Е,Т,М) по одной или парой (вероятно, они обозначают инициалы), а также крестом и прямой крест.

Отдельно рассмотрены наиболее хорошо сохранившиеся комплексы. Показательно распределение сосудов: во всех постройках в верхней наземной части оказались фрагменты или целые формы столовой посуды, в подпольях отложилась в основном тарная. Набор посуды в кельях достаточно типичный – это белоглиняные кувшины, многочисленные белоглиняные гладкие горшки, чернолощенные и краснолощенные кувшины. Количество собранных целых сосудов варьировалось от 5 до 14.

5.2. Стекло́нная и металличе́ская посуда

Помимо керамической посуды, описанной выше, в заполнении построек встречены фрагменты ранней стеклянной посуды XVI–начала XVII вв. Она вся фрагментированная и представлена разными осколками. Основная масса собрана в заполнении построек Новодевичьего монастыря (8 экземпляров) и Сретенского монастыря (6 экземпляров). Значительно возрастает количество стеклянной посуды в постройках второй половины XVII – начала XVIII вв.

Незначительно количество посуды и столовых приборов, изготовленных из черного и цветного металлов: медный биконический ковшик-кастрюлька со втульчатой ручкой, железная сковорода, черешковые ножи. Отметим, что ни в одной из построек не обнаружены ложки и вилки.

Отмечается, что вещи, собранные в ходе археологических исследований, являлись личным набором посуды насельников и их упоминания в описях единичны. Таким образом, археологические материалы являются ценным источником по повседневной жизни насельников монастырей.

5.3. Предметы повседневного обихода

Среди предметов повседневного обихода выделены чернильницы, ключи и замки, книжные застёжки и накладки, предметы связанные с освещением келий, игрушки. Бытовые предметы, найденные в заполнении построек, разнообразны и раскрывают повседневную сторону жизни насельников монастырей.

5.4. Украшения

Большая часть украшений найдена в Зачатьевском и Новодевичьем монастырях, а также на хозяйственном дворе Сретенского монастыря. С одной стороны, это объясняется площадью раскопок, проведенных в указанных обителях. С другой стороны, указывает на высокий статус насельниц Зачатьевского и Новодевичьего монастырей. Среди украшений встречены перстни, браслет, серьги, серебряная копейка-подвеска.

5.5. Монеты представлены большим количеством экземпляров (102 шт.). Основная масса собрана в постройках Зачатьевского монастыря (73 шт.), меньше – в Новодевичьем (22 шт.), Сретенском (6 шт.) и Рождественском (1 шт.). Большая часть монет – медные (79 шт.), серебряных меньше (23 шт.). Встречены редкие экземпляры (см. приложение 4). Основная часть монет сосредоточена в заполнении четырех построек Зачатьевского монастыря (№22,23,24,25). Отметим, что все они находятся в северной части соборной площади. Кроме монет, эти постройки выделяются разнообразным бытовым материалом, что может указывать на их назначение (казначейские, игуменские?). Помимо монет на хозяйственный оборот указывают торговые свинцовые пломбы и счетные косточки.

5.6. Одежная и обувная фурнитура

В сухих слоях органические материалы сохраняются очень плохо в связи, с чем каких-либо тканых или кожаных изделий в заполнении построек обнаружено не было. Больше информации по этой группе изделий несут письменные источники¹ и материалы некрополей². Тем не менее, в заполнении построек сохранились изделия из черного и цветного металла, которые дают некоторое представление о носимой одежде и обуви – это

¹ Шамина, И. Н. Что хранилось в монастырской кладовой: предметный мир русского монастыря рубежа XVII-XVIII вв. // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI-XVIII вв. : Материалы научной конференции, Москва, 20–22 ноября 2013 года / Российская Академия Наук, Отделение Историко-Филологических наук, Институт Археологии; Институт Российской Истории, Российское Историческое Общество. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Древности Севера", 2016. – С. 487-493.

² Елкина И.И. Текстиль Московской Руси XVI–XVII вв. по археологическим данным. Атрибуция, технология, реконструкция. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2020. – 565 с.

одежные крючки, петельки и булавки, выполненные из медного сплава, пуговицы, пряжки, ременная накладка, обувные подковки. Размеры подковок позволяют судить и о размерах обуви. Встречены крупные экземпляры шириной 7,5–8,2 см (хозяйственные дворы Новодевичьего, Сретенского и Высоко-Петровского монастырей), которые соотносятся с мужской обувью. Есть совсем маленькие шириной 4–4,5 см (детские), значительная часть подков варьировалась в пределах 6–7 см (женские), показательно, что они собраны в постройках Зачатьевского и Новодевичьего монастырей. Таким образом, ни в одном из женских монастырей не были найдены крупные мужские подковки.

5.7. Личные вещи

В разделе приводится описание личных предметов – нательные кресты, костяные гребни, помадные банки, курительные трубки. Все обнаруженные кресты представляют собой разные типы и подтипы, достаточно широко распространенные на территории Московской Руси. Типологическая датировка крестов совпадает с датировкой построек по керамическому и нумизматическому материалу. Показательно, что ни в одной из собственно монастырских построек курительные трубки обнаружены не были.

5.8. Ремесленные и промысловые предметы

Предметы, связанные с ремеслами или какими-либо промыслами встречены не только на территории хозяйственных дворов Сретенского, Высоко-Петровского и Новодевичьего монастырей, но и в заполнении построек Зачатьевского монастыря, что однако не позволяет достоверно относить некоторые из этих построек к хозяйственным.

Также встречены предметы военного дела – боевой топор, фрагмент доспеха – бехтерца, железные наконечники стрел, свинцовые пули. Находки предметов военного дела в монастырях редки, но не удивительны: в казенных палатах хранилось холодное и огнестрельное оружие, в начале XVII в. Зачатьевский и Новодевичий монастыри сильно пострадали в ходе польско-литовской интервенции.

Распределение находок соответствует статусу монастыря. Богатством выделяются постройки женского Новодевичьего монастыря второй половины XVI–начала XVII вв. Постройки мужского Высоко-Петровского монастыря – более скромные. Не выявлены «чужие вещи» в монастырях: фрагменты курительных трубок обнаружены только в заполнении построек хозяйственных дворов, детские игрушки, женские украшения, обувные подковки небольшого размера попадались только на территории женских монастырей.

5.9. Экофакты

Помимо описанных выше артефактов, в заполнении построек обнаружены разнообразные экофакты – кости животных, рыб, птиц, зёрна растений. Биофакты позволяют получить представление о пищевых привычках насельников монастырей. Собранные экофакты позволяют сделать некоторые выводы о продуктах, хранимых и употребляемых на территории монастырей. Обращает на себя внимание большое количество костей крупного и мелкого рогатого скота, а также куриц. Монахи мясом не питались, его могли употреблять в пищу строители, паломники, трудники. Основу монашеского рациона составляла рыба: красная (осетр, белуга, лосось, стерлядь) и белая (севрюга, щука, лещ, окунь), а также злаковые культуры.

В Заключение содержатся основные выводы работы.

Проведенное исследование, основанное на археологических материалах из шести монастырей Москвы конца XIV–начала XVIII вв. и привлечении письменных и изобразительных источников, позволило выявить основные закономерности развития деревянной монастырской застройки и определить степень ее устойчивости на протяжении указанного периода. Келейная и хозяйственная деревянная застройка монастырей Москвы впервые стала предметом самостоятельного изучения.

В работе были рассмотрены архивные планы и чертежи различных монастырей Московской Руси, выявлены основные планировочные

структуры. Комплексный анализ материалов позволил определить топографические особенности распределения построек по монастырской территории, а также консервативность их расположения, что дает возможность использовать полученные данные для реконструкции ранней деревянной монастырской застройки.

Выявлено несколько основных принципов расположения построек на территории монастыря: в виде незамкнутого каре и усадебно-уличная планировка.

Проведенные исследования позволили охарактеризовать разновременные постройки, сохранившиеся в большинстве случаев на уровне их подземных частей. В ряде построек удалось выявить особенности внутреннего убранства: расположение печей и входов. Собранные материалы позволяют говорить о высоком уровне благоустройства жилых построек.

Был определен средний срок службы монастырских построек, составлявший порядка 20–40 лет. Это подтверждается стратиграфическими наблюдениями, а также керамическим и нумизматическим материалом, показывающими, что постройки нередко возобновлялись на одном и том же месте в течение сравнительно короткого времени.

Анализ археологических материалов позволил выявить различия в конструктивных особенностях жилых и хозяйственных построек. Наземные части хозяйственных построек имели каркасно-столбовую конструкцию, в то время как все зафиксированные наземные срубы относились к жилым кельям.

Размеры наземных частей построек достоверно определить не удалось, поскольку ни одна из них не попала в зону исследования полностью. Можно говорить, что их размеры составляли не менее 5×5 м, т.е. около 25 кв.м., что в целом соотносится с городскими постройками конца XIV–начала XVIII вв. Лучше изучены котлованы подземных частей: они имели прямоугольную или квадратную форму и варьировались по площади от 2,1 до 12,2 кв. м.

Можно предполагать, что значительная часть строительного материала поступала на монастырскую территорию уже в подготовленном виде, о чем косвенно свидетельствует отсутствие строительного мусора в виде щепы, коры и т. п.

На основе полученных археологических материалов, с привлечением письменных и изобразительных источников предпринята попытка реконструкции некоторых жилых построек.

В ходе исследования были выделены две основных типа построек. Первая группа – отдельностоящие сооружения, включающие пять подтипов: землянки, полуземлянки, жилые кельи-избы с одним или несколькими помещениями и хозяйственные клетки. Вторая группа – кельи-связи, подразделяющиеся на два подтипа: единый келейный корпус и усадебные комплексы. Преобладают отдельностоящие жилые кельи с одним или несколькими помещениями (70,7 %). Единые келейные корпуса возводятся в монастырях Москвы со второй половины XVII в.; они могли сочетать в себе жилые, хозяйственные и производственные помещения.

Помимо собственно монастырских построек были рассмотрены хозяйственные территории, прилегавшие к обителями и позднее включенные в их состав. Такие хозяйственные дворы прослежены в трех монастырях – Новодевичьем, Высоко-Петровском и Сретенском. Полученные данные позволяют судить о разнообразных видах деятельности, включая рыболовство, заготовку сена, обработку дерева, кости, камня и металла, а также выплавку металлов. В хозяйстве держали лошадь и собаку.

Помимо построек, в ходе исследования был проведен анализ систем монастырского благоустройства, а именно водозаборных и дренажных колодцев, а также систем водоотведения. Подробно разобрана техника возведения водозаборных колодцев, включавших три отдельных сруба. Зафиксированы две системы водоотведения: в одном случае это лоток, предназначенный для отвода воды из ледника в колодец, в другом – деревянная труба.

Анализ керамических комплексов показал значительное разнообразие форм, функций и происхождения сосудов, что делает их одним из ключевых источников для изучения монастырской повседневности. Период расцвета монастырей отличается многообразием размеров и форм керамики: особенно разнообразны столовая посуда и тарные сосуды. Постройки XVI–начала XVII в. демонстрируют наиболее богатые и разнообразные комплексы находок, тогда как материалы XVII в. в целом отличаются большей сдержанностью.

Среди предметов личного обихода, происходящих из заполнения построек, зафиксированы украшения – перстни, браслет, серьги и бусины, а также костяные гребни, керамические рукомыльники, чернильницы и нательные кресты. Текстиль и кожаные изделия не сохранились, однако об элементах одежды и обуви свидетельствуют металлические крючки и петельки, булавки и железные обувные подковки. Наиболее распространённым типом обувных подковок являются врезные экземпляры.

Из общего монастырского контекста выделяются предметы, связанные с военным делом. Их появление в заполнении построек, вероятнее всего, связано с событиями польско-литовской интервенции.

Собранные экофакты позволяют сделать некоторые выводы о рационе питания монахов и мирян. В заполнении построек выявлены кости крупного и мелкого рогатого скота, куриц, красной и белой рыбы. В подпольях в бочках хранили зерна злаковых, в кувшинах – напитки.

Таким образом, поставленные в исследовании задачи, связанные с систематизацией археологических материалов, реконструкцией планировки, анализом конструктивных особенностей построек и интерпретацией вещевых комплексов, в целом решены. Впервые в едином исследовательском поле были сопоставлены материалы шести монастырей Москвы.

Проведенное исследование показывает, что деревянная жилая и хозяйственная застройка монастырей Москвы конца XIV–начала XVIII вв. являлась важнейшей частью историко-культурного облика монастыря.

Именно в этой среде наиболее полно проявлялись особенности повседневной жизни насельников, специфика хозяйственного уклада, соотношение общежительных и особножительных форм монастырского быта, а также внутренняя социальная дифференциация монастырского сообщества. Археологические материалы свидетельствуют, что московский монастырь представлял собой не только религиозный и мемориальный центр, но и сложный социально-бытовой организм, включенный в широкие культурные, ремесленные и торговые связи. Тем самым деревянная застройка выступает важнейшим источником для реконструкции повседневной культуры Московской Руси и позволяет существенно дополнить сведения письменных и изобразительных источников о монастырской жизни.

Публикации по теме диссертации

Работы, опубликованные в ведущих изданиях, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций:

1. Глазунова О.Н., Максимова А.А. Тройной сосуд конца XVI – первой половины XVII в. из Новодевичьего монастыря // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Выпуск 257. С. 320–326.

2. Беляев Л.А., Максимова А.А. Новодевичий монастырь: центральная зона застройки XVI-XVII вв. (по материалам раскопа 2020 года) // Краткие сообщения Института археологии. 2023. Выпуск 272. С. 134–155.

3. Максимова А.А. Деревянные колодцы Москвы XVII в. как объекты археологии // Краткие сообщения Института археологии. 2025. Выпуск 279. С. 124–136.

Работы, опубликованные по теме диссертации в других научных изданиях:

1. Глазунова О.Н., Максимова А.А. Посуда Новодевичьего монастыря: комплексы керамики из келий // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы XII Международной научной конференции (11-15 сентября 2023 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М.: Индрик, 2023. С. 84–85.

2. Максимова А.А. Деревянные кельи Новодевичьего монастыря во второй половине XVII в. (По археологическим данным) // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы XII Международной научной конференции (11-15 сентября 2023 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М.: Индрик, 2023. С.88–89.

3. Глазунова О.Н., Максимова А.А. Вещевые комплексы из келий Новодевичьего монастыря. // Соборное уложение 1649 г.: эпоха и предыстория. К 375-летию принятия Земским собором Соборного уложения /

Институт российской истории РАН, Институт археологии РАН; отв. редакторы Е.Л. Конявская, Л.А. Беляев. М.: Ин-т рос. Истории Рос. акад. наук, 2024. С. 210–228.

4. Максимова А.А. Деревянные кельи Новодевичьего монастыря во второй половине XVII-начале XVIII вв. (по археологическим данным) // Соборное уложение 1649 г.: эпоха и предыстория. К 375-летию принятия Земским собором Соборного уложения / Институт российской истории РАН, Институт археологии РАН; отв. редакторы Е.Л. Конявская, Л.А. Беляев. М.: Ин-т рос. Истории Рос. акад. наук, 2024. С. 187–209.

5. Глава III. Максимова А.А., Глазунова О.Н., Елкина И.И. Келейная и хозяйственная застройка (1524/25–1685 гг.) // Беляев Л.А. Московский Новодевичий монастырь. Результаты исследований 2017–2014 годов: история и археология. М.: Институт археологии РАН – Индрик, 2024. С. 105–163. Илл. 173–314.

6. Максимова А.А. Ранняя деревянная застройка монастырей Москвы по данным археологии (на примере Зачатьевского монастыря) // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы XIII Международной научной конференции (8-12 сентября 2025 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2025. С. 85–86.

7. Максимова А.А. Наземные деревянные постройки XVII в. (по данным археологии) // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. В трех томах. Красноярск, 6–10 октября 2025 г. Том III. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2025. С. 83–85.